

КУЛЬТУРА

Независимая газ. — 1995 — 5 апр.

«КОРИЧНЕВАЯ ПУГОВКА»

Разговор в гримерке Инны Чуриковой

Александр Кулиш,
Дмитрий Черняков

Зеркало

ТРИ МЕСЯЦА назад на Рождество в Малом театре давали концерт, посвященный вручению премии «Триумф». Рождественский подарок Инны Чуриковой для многих тогда оказался сюрпризом! Актриса неожиданно спела пионерскую песенку о том, как дети нашли коричневую пуговку, потерянную иностранным шпионом, и о том, как бдительная разведка разоблачила злоумышленника.

— Вы намеренно надели роскошное платье с золотом и брильянтами, а пели совершенно неподобающую своему наряду песню?

— (Смеется). Преднамеренно. Меня предупредили, что вечер будет шуточный, и я решила, что можно спеть именно эту песню того времени, когда нас учили быть бдительными и зоркими.

— А как вы относитесь к шоку? Когда вы сыграли роль Мамаевой в «Мудреце», то очень многие были шокированы вашим поведением на сцене.

— Я о шоке не думаю. Возможно, мы с Марком Анатольевичем Захаровым выстроили слишком смелый рисунок роли и он мог шокировать зрителей. Но это не специально для шока, а потому, что, кажется, так написал автор.

— Вы не уверены?

— Мне действительно кажется, что так написано у Островского, а шок уж не знаю, почему возникает. Да я и не думаю, что нашего зрителя можно чем-нибудь шокировать.

— В последние годы, особенно в «Мудреце» и «Чайке», в ваших ролях появилась отчетливо сексуальная окраска...

— Это не я виновата! Драматурги, драматурги!

— Даже не режиссер, а драматурги?

— А мы с режиссером единомышленники. Мне кажется, если говорить об Аркадиной, то все написано у Антона Павловича Чехова. Просто мы очень внимательно читаем текст автора. (Смеется).

— То, как вы все время ссылаетесь на драматургов, заставляет вспомнить одну историю. Когда критик Наталья Крымова спросила у Фаины Раневской, кто ее любимый режиссер, та ответила: Александр Сергеевич Пушкин.

— Да, а мне она еще говорила, что Лермонтов (голосом Раневской) — это три пальца на руке Пушкина.

— Однако вернемся к вам. Эти проявления агрессивной сексуаль-

Инна Чурикова.

Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

ности Мамаевой — ваша личная потребность или режиссер увидел вас в новом качестве?

— Это было абсолютно новое и неожиданное для меня предложение, как и каждая роль у Захарова. Именно Марком Анатольевичем придуман рисунок роли Мамаевой; мне же приходилось постигать новые способы сценических отношений, жанр, стиль, ходить по острой бритве и не обрезать, не свалиться ни вправо, ни влево.

— Когда видишь вас несколько раз в «Мудреце», появляется ощущение, что вы впадаете в такое невероятное состояние своей героини, когда говорите не совсем текст пьесы, а все, что вам импровизационно приходит в голову.

— (Легкомысленно). Бывает.

— От чего это зависит?

— Я даже не знаю, что это такое. Это, наверное, что-то в космосе... Профессия у нас замечательная. Когда мы репетируем, режиссер прокладывает дорожку, по которой ты разбегаешься, и если она короткая, то взлететь нельзя, но если достаточной длины, то раз — и полет!

— А часто на сцене бывают накладки? Вам приходилось, к примеру, забывать текст?

— Приходилось. Опасно забывать, когда текст стихотворный. Однажды у меня вылетели из головы строки Офелии, и мне пришлось импровизировать вместе с Шекспиром.

— То есть бывают моменты, когда вы ощущаете идиотизм проис-

ходящего на сцене? И видите ли вы в этот момент публику?

— Идиотизм происходящего я ощущаю в жизни. А публику я не вижу, а чувствую. И бывает такая талантливая публика, которая дает очень много энергии. Но конкретных людей... Тогда уж надо с ними здороваться, спрашивать, как вы себя чувствуете?

— Ваша Аркадина довольно цинично относится к Нине Заречной и к Маше, она их все время высмеивает. Она жестокая?

— Я, пожалуй бы, так не сказала. Когда человек ревнует, он глупеет, а иногда — сходит с ума. Вы помните, что случилось с Отелло?

— Аркадина расправляется с Ниной так хлестко, как будто та для нее не соперница. Она сознательно так себя ведет или не может сдержаться?

— Не может. А в какой-то степени — сознательно. Я же говорю: ревнует. Нина Заречная — молодая, красивая, талантливая — заставляет ее чувствовать утрату всего, к чему она привыкла. Аркадина — женщина эгоцентричная и живет только тогда, когда она — главное действующее лицо во всех жизненных ситуациях.

— В последнее время вы появились во многих неожиданных для вас ролях. А как родился тот образ странной и немного блаженной женщины, который на многие годы стал почти вашим амплуа? Вам помог ваш муж режиссер Глеб Панфилов?

— Конечно. Это было, когда он пригласил меня на роль Тани Теткиной в фильме «В огне брода нет». А вообще-то сценарий назывался «Святая душа». Таня была замечательным существом, любящим в природе все: и камень, и травинку, и собаку, и человека, глядящим на мир глазами художника, но именно Таня мне ближе всех. А может быть, она — это я?

— Вы были в жюри Каннского фестиваля, когда Гран-при получил фильм Джейн Кэмпбелл «Фортельяно». Наверняка героиня Холли Хантер вам очень близка.

— Очень близка, да! Мне безумно понравился этот фильм. Я смотрела его два раза: утром, вместе с членами жюри, и вечером, на премьере. Мне хотелось знать, как его воспримут зрители. Там был один критик, которому картина понравилась, как и мне. И вот уже шли титры, а мы с ним стояли, как брат с сестрой, взволнованные, и у нас возникло удивительное внутреннее родство.

— Как вы общались с членами жюри? Из фильма «Платье Казановы» понятно, что вы неплохо владеете итальянским.

— Итальянским я владею, но это не мой язык. Я его учила специально для фильма, люблю же язык Жанны д'Арк. В Каннах мы разговаривали немного по-французски, немного по-английски, а потом у меня был личный переводчик.

— А через год вы привезли в Канн «Курочку Рябу». Как там восприняли этот фильм?

— Очень хорошо. И долго хлопали.

— В «Курочке Рябе» вы довольно много курите, пьете и ругаетесь матом.

— Нет, я ругаюсь не очень много. Я там позволила себе курочку назвать одним словом, но потому, что она вела себя уж очень беспардонно. Тоже мне, подружка!

— В реальной жизни вы курите. А как насчет остальных пороков?

— Во-первых, я не курю. Это я только сейчас покурила. Да! А ругаться матом? Я не люблю прибегать к этому сленгу, но так как замечательные и прекрасные женщины в той деревне, где мы снимали фильм, иной раз так озорно и весело выражали себя в слове, то и мы с режиссером Андреем Сергеевичем Кончаловским себе это позволили. Было бы совсем неправдой, если бы звучал только литературный язык.

— А что вы делаете, когда вас что-то выводит из себя? И что вас способно довести до бешенства?

— Предательство. Я очень доверчива. И если я человеку верю, если он мой друг и если я его люблю, то я не понимаю предательства. (Кокетливо). Тогда я способна на необдуманные поступки.

— У вас была мечта детства, которая сбылась?

— Да.

— Какая? Вы стали актрисой?

— Ну!

— А была ли такая актриса, которая повлияла на вас в молодости?

— У меня не было такой «звезды», на которую я хотела бы походить и строить свою жизнь, соизмеряя с ее индивидуальностью. Может, я и о своей-то индивидуальности не очень думала. Помню, сильное впечатление от Джульетты Мазини в «Дороге» и «Ночах Кабирии». Анну Маньяни я видела в фильмах и в спектакле «Волчица», когда она приезжала сюда на гастроль. Я была еще очень молода и мало анализировала свои впечатления, но запомнила ту паузу, когда Маньяни сидела над молодым человеком молча. Не знаю, сколько длилась эта пауза, но казалось, что она огромная, как жизнь. Он спал, а Маньяни чувствовала его, слушала, жила им. Тогда я поняла, что такое молчание.

— Анна Маньяни была итальянским символом. Кажется, что за последние годы вы стали русским символом среди актрис.

— О, это я не знаю.

— А как этот символ лучше назвать? Вот Маньяни называли «мама Рома».

— Что ж, мама — лучше, чем бабушка.

— У вас есть несыгранная роль?

— У меня была болезнь — Жанна д'Арк, еще тогда, когда фильмы снимали на деньги государства и начальство могло все запретить. Я так хотела сыграть Жанну, но Глебу не разрешили снимать картину. Когда он писал сценарий, я рядышком была. У меня был дневник, где я записывала все странички ее жизни, потом пошла на курсы учить французский язык. Но время ушло. Жанна была девочкой лет 18 или 19. У нас есть молодые актрисы, они и сыграют Жанну д'Арк.

— А о чем вы мечтаете сейчас?

— Вот вы нашли свою любимую профессию, работаете, и это приносит вам радость. Мне хочется, чтобы у моего сына было так же. Чтобы жизнь для него была не опасна, а свободна, раскованна, желанна. Мы живем в очень странной атмосфере, и не знаешь, кому верить. Так что я надеюсь на вас.

— На нас двоих?

— На вас двоих, на своего сына и на многих-многих молодых людей.